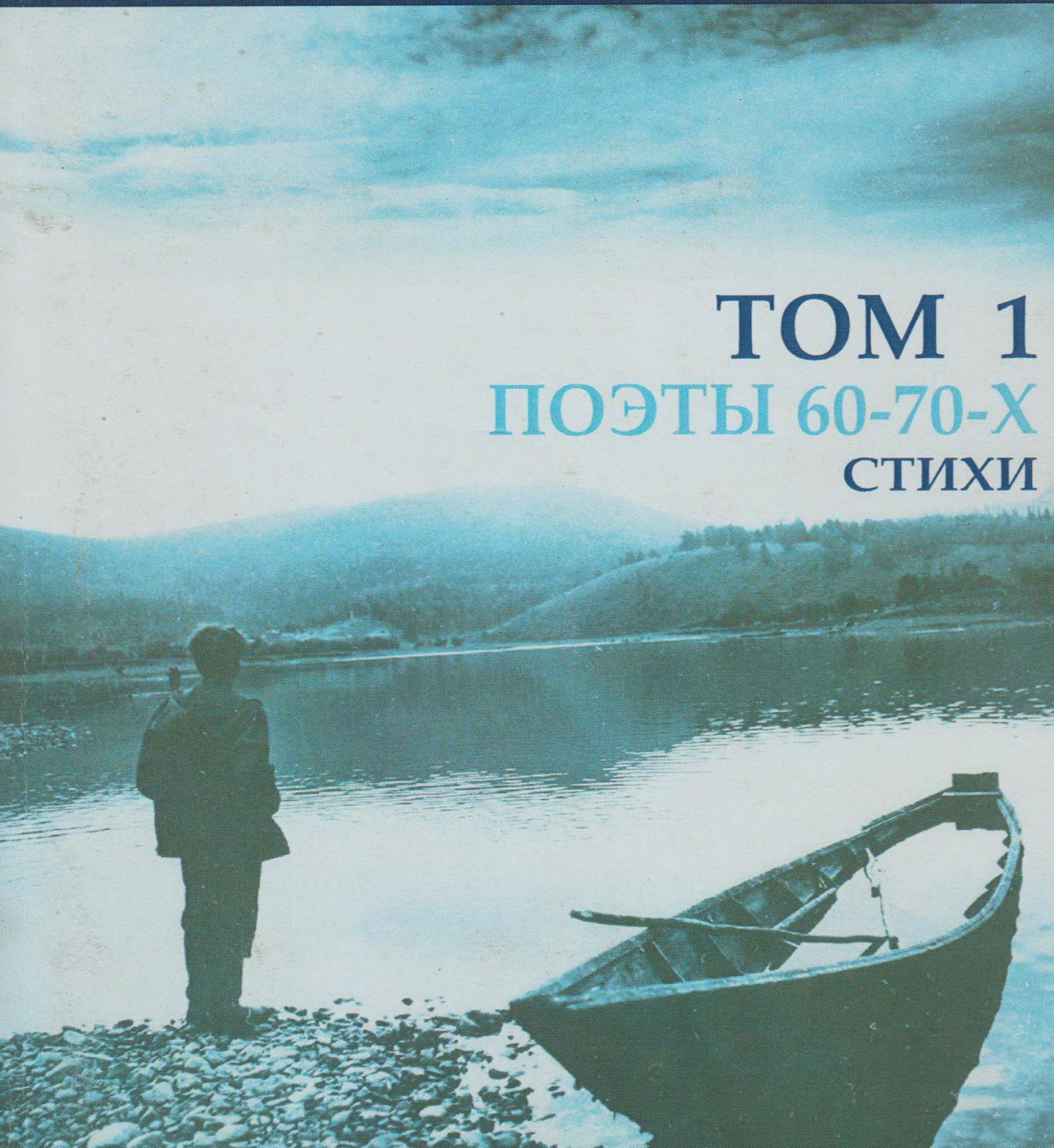

ПОЭЗИЯ КУЗБАССА: XX – XXI ВЕК

ТОМ 1 ПОЭТЫ 60-70-Х СТИХИ

УДК 882 (571)
ББК 84 Р7 (2Р-4Кем)
П 67

**П 67 ПОЭЗИЯ КУЗБАССА XX–XXI ВЕК. ТОМ 1.
ПОЭТЫ 60-70-Х. СТИХИ. – КЕМЕРОВО, 2015. – 266 с.**

Многотомное издание «Поэзия Кузбасса: XX–XXI век» задумано как собрание знаковых стихов известных кузбасских поэтов, а также наиболее интересных и точных статей об их творчестве. Издание предназначено, в первую очередь, для преподавателей русской литературы и культурологии, студентов-филологов, а также для широкого круга любителей поэзии.

В 1 том «Поэзия Кузбасса: XX–XXI век» включены подборки стихов и поэм девяти признанных кузбасских поэтов советского периода, наиболее ярко отразивших жизнь и мировосприятие первых послевоенных десятилетий XX века. Произведения, включённые в настоящий том, созданы в период с конца 1930-х до середины 1990-х годов. Однако время создания лучших произведений, обретение подлинного поэтического мастерства у большинства поэтов первого тома пришлось на 1960-1970-е годы, что и позволило вынести именно эти десятилетия в название книги.

Произведения печатаются с учётом последней авторской редакции, проведена исследовательская работа по датировке стихотворений. Большая часть подборок собрана учёными-литературоведами Кемеровского государственного университета: Евгений Буравлёв (И.В. Ащеулова), Виктор Баянов, Владимир Поташов, Василий Фёдоров (Г.И. Карпова), Валентин Махалов (Н.В. Налегач), Анатолий Саулов (К.В. Синегубова). Подборку стихов Геннадия Юрова подготовил сам поэт (Г. Е. Юров). В составлении подборок Игоря Киселёва и Михаила Небогатова приняли активное участие И.А. Киселёва, жена поэта, и Н. М. Инякина (урождённая Небогатова), старшая дочь поэта-фронтовика.

© «Дом литераторов Кузбасса», 2015

Подписано в печать 20.04.2015. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Дома литераторов Кузбасса»:

г. Кемерово, пр. Советский, 40. 650000. Тел: (3842) 36-56-47

Михаил НЕБОГАТОВ

*

Я рос в семье, где добывали
Насущный хлеб своим горбом,
Где, помню, до свету вставали
При звёзд мерцанье голубом.
И через времени завесу
Всё вижу, вижу я вдали:
Отца недвижимого из лесу
Во двор на дровнях привезли ...
Согнула мать беда-кручина,
Нужда вошла под отчий кров.
И на меня, как на мужчину,
Лёг труд отцовский – пилка дров.
О, как завидовал я Славке,
Дружку, – он в первый класс пошёл!
Я из окна, присев на лавке,
Смотрел печально – бос и гол.
Под вечер он в дыму метели
Скрипел пимами во дворе.
И допоздна мы с ним смотрели
Картинки в новом букваре ...
А то до полночи свинцовой
Мать, подавляя боль и грусть,
Стихи Некрасова, Кольцова
Мне говорила наизусть.
Стучался ветер в дверь, в ворота,
Но, в мир поэзии влюблён,
Я в этом сказочное что-то

Ловил, угадывал сквозь сон.
Мне до сих пор всё это мило:
Картинки те из букваря,
Метель, что окна серебрила,
Со мной стихами говоря...

1962 г.

*

Помню первый свой в жизни стишок:
«Всюду зелени чуткое море».
Помню, как он волненьем обжёт
В летнем сине-зелёном просторе.
Я, мальчишка – на горке в лесу,
А внизу – городьба, огороды...
Так вот – с детства – в себе и несу
Чувство родины, чувство природы.

*

Рисует мудрая природа
Этюд с названием «Зима».
Снежинки сыплет с небосвода
На путь трамвайный, на дома.
Ей это делать не впервые.
Есть вдохновенье и запал.
Да всё чернеют мостовые,
Бело лишь только между шпал.

Природа хмурится невольно:
Этюд не очень-то живой.
А детвора уже довольна
Её работой черновой.
Глядят ребята спозаранок
В окно: «Ну, как там, крепкий снег?»
Коньков стремительных и санок
Уже предчувствуют разбег.
Но то ль упорства не хватило
Засыпать землю и дома,
А может, кончились белила –
Грустна художница сама?
Она этюд забраковала
И, как простым карандашом,
Сердясь его заштриховала
Холодным сереньким дождём.
Снежок размыла, как извёстку, –
Чернеет пятнами вода ...
Но верьте первому наброску,
Картина будет – хоть куда!

*

Ты помнишь вечер в ноябре?
Как был он ярок!
Весь в снежных искрах, в серебре.
Весь – как подарок.
Нам улыбались фонари,
Став у обочин.
Сказала ты: – Смотри, смотри!

Красиво?
— Очень!
Вокруг, пушисты и легки,
Послы метели, —
Снежинки, словно мотыльки,
На свет летели ...
Так был красив тот карнавал,
Тот снежный хаос,
Что в нём, казалось нам, звучал
Крылатый Штраус ...
От многих пройденных уже
Дорог, тропинок
Остался песнею в душе
Полёт снежинок ...

1950 г.

Я ПРИВЁЗ ...

Посетив места родные,
Я подарков не привёз —
Только сердцу дорогие
Шумы-шелесты берёз,
Облаков седую пряжу,
Что, узоря синий мир,
Вдоль извилистого кряжа
Проплывают в Салаир.
Прихватил с собой на память
Говорок реки Бачат,
Тополей цветущих замять
Там, где парни ждут девчат;

Чёрный дым на мягких лапах
Над полоскою реки,
Разнотравья пряный запах,
Незабудок островки.
Не забыл я взять дороги,
О которые в жару
Обжигал босые ноги
Мальчуганом на юру...
Край любимый, большей дани
Я не ждал, к тебе спеша.
Небогато в чемодане,
Но зато полна душа.

1964 г.

РУССКИЙ ПОКЛОН

Случилось то в селе далёком,
Куда я, праздный отпускник,
Попал однажды ненароком –
Искал попутный грузовик.
Был полдень. Время золотое –
Сады в черёмушном дыму.
Шагаю тихо. Кто я, что я –
Здесь неизвестно никому.
И удивился я, не скрою,
Когда степенный встречный дед
Вдруг снял картуз передо мною,
Как мой знакомец с давних лет.
Иду. Старушка мне навстречу:
И вновь – почтительный поклон.

Мол, кто б ты ни был, человече,
Живи и здравствуй, в мир влюблён.
И вроде больше стало света,
И зацвели сады пышней
От задушевного привета
Проживших долгий век людей.
Запомнив их простые лица,
Я шёл и сам себя стыдил:
«Не ты ли первым поклониться
Обоим им обязан был?»
Тут не величие, не мода,
А чуткость вместе с добротой –
Душа российского народа,
Его характер золотой.

1969 г.

*

Нет ничего безликого на свете,
На всём своя особая печать.
Невежество узнаешь по примете:
Оно безмерно любит поучать.
А у величья – скромное обличье:
На нём морщины чёрного труда.
И поучать не станет вас величие,
Лишь дать совет решится иногда.

1960 г.

РОССИЯ

Откуда начинается Россия?
Одни поэты пишут: от села,
От дедовской околицы;
Другие:
От заводской заставы, мол, пошла.
Не знаю я, найду ль единове́рца,
Но верю в убеждение своё:
Россия начинается от сердца,
С рождения влюблённого в неё,
Влюблённого в народ простой и скромный,
Умеющий держать и плуг, и меч,
В заснеженный простор её огромный,
И в русскую пленительную речь.
Всё в этой речи есть – и крепость перца,
И сладость ягоды, и горечь слёз ...
Россия начинается от сердца,
Влюблённого в бессмертный свет берёз.

1967 г.

*

Всю жизнь перед глазами, как живой,
Увиденный впервой солдат убитый.
Кругом движенье, гул, моторов вой,
А он у дома – всеми позабытый ...
Был первый день войны. И первый он,
Ничком лежащий, весь в дорожной пыли.

Поздней я видел многих вечный сон,
А этот – всех живее в страшной были.
И чувство в сердце жуткое, как стон:
Уйдя, мы разбудить его забыли...

1972 г.

РОТНЫЙ

— Запевай! – Но молчим.
Злость на ротного в сердце тупая.
— Стой! Налево! Ложись!
По-пластунски вперёд! –
И ползём, задыхаясь
И в рыхлом снегу утопая...
Что за чёрт командир!
На ученьях со света сживёт...
Зашагали опять.
— Запевай! – И сдались мы – запели.
Был настойчив наш ротный –
Добиться умел своего.
Ну, а главное то,
Что в атаке спустя две недели
В рост идущим под пулями
Мы увидали его!
И потом лишь о нём
Разговору и было
Среди нас, уцелевших
Под острым огнём ножевым:
— Как там наш лейтенант?
Он живой ли? Его не убило?.. –

Всем нам очень хотелось,
Чтоб ротный остался живым.

*

Ох, как путь отступленья постыл!
На восток от границы от самой
Отправляют нас временно в тыл,
Всех, недавно простившихся с мамой.
И пылит, и пылит грузовик
Среди поля от зноя седого.
Командир, лейтенант-кадровик,
Не таит нетерпения злого:
— Как же так?.. Ведь с Россией беда!
Неужель, как овечки, мы кротки?
Для чего ж нам винтовки тогда?
Зря мы, что ли, надели пилотки?..
От загара, от злости пунцов,
Он из кузова смотрит в тревоге
На усталых небритых бойцов,
Что у борта идут по дороге.
Иль забыл, что у нас, у ребят,
Должен дух поднимать?..
— Это что же? —
И ремни на нём гневно скрипят.
— Это ж просто на бегство похоже!
А в ответ — не ему одному! —
Небо глухо моторами стонет...
— Не пойму. Ничего не пойму.
Гонит немец! И гонит, и гонит!
Гул всё ближе. Мы в небо глядим:

Бомбовозы. Тяжёлая стая.
Мимо. Курсом особым, своим.
Не бомбят, будто нас презирая.
— Ладно. Встретиться б только в бою... —
Незажжённую смял папироску.
— Отведу ещё душу свою.
Поиспорчу фашисту причёску!..
В ритме будничных, праздничных дел
Как же верить мне хочется ныне,
Что в боях лейтенант уцелел,
Побывал, может статья, в Берлине.
Что сполна в сорок пятом году
Наглой спеси фашистского сброда
Сам воздал он за нашу беду —
За июнь сорок первого года.

1975 г.

ПОДМОСКОВЬЕ, 1942

Безлюдный посёлок, разрушенный в прах,
В морозном мерцанье восхода
Фашисты, которых преследовал страх,
Оставили после отхода.
Всё в белом сверкании солнечных брызг,
Как в мёртвых лучах киносъёмки —
Орудья и танки, разбитые вдрызг,
И труб, и заборов обломки.
Верней, не орудья, а контуры их,
Не танки, а их очертанья
В наносах, в холмистых сугробах крутых,
Как белый погост мирозданья...

Звучали, как выстрелы,
Скрипы шагов.
И слышал я – верьте не верьте –
Не просто дыханье холодных снегов, –
Дыханье холодное смерти.

1975 г.

ФРОНТОВАЯ ДРУЖБА

Запомнил я воздушный бой.
От «ястребков» и «мессершмиттов»
Над той – немецкой – стороной –
Гудело небо басовито.
А мы, бойцы, лежим во ржи,
И сердцем все мы там, в зените,
Где и пике, и виражи,
И пулемётных строчек нити.
Атака в лоб, удары в бок –
Смешалось всё в круженье лютом...
Вот задымился «ястребок» –
И лётчик прыгнул с парашютом.
Сейчас, как хищник, «мессершмитт»
Мелькнёт вблизи зловещей тенью –
Вмиг будет пулями прошит
Пилот, что стал простой мишенью...
Но тут же друга самолёт,
В крутой стремительности воя,
На помощь сбитому идёт,
Берёт его в кольцо живое!
Уж видит лётчик колею,

И рожь, и луг, и дым над лугом,
А тот, кто спас его в бою,
Всё ходит в небе – круг за кругом.
... И в мирный день сбивают нас
То равнодушие, то обиды.
Как мы беспомощны подчас,
Хоть повидали в жизни виды!
Как не хватает нам порой,
Когда у зла мы под обстрелом,
Великой дружбы фронтовой,
Не словом выверенной –
Делом!

1968 г.

СОЛДАТ С РЕБЁНКОМ

Н.И. Масалову

В огненной горячей круговерти,
В неумолчном грохоте атак
Девочку немецкую от смерти
Спас в Берлине наш герой-земляк ...

Там бойца, прошедшего сквозь пламя,
В ореоле славных ратных дел,
Скульптор вдохновенными руками
В бронзе навсегда запечатлел.

Много вёсен, солнечных и ярких,
Отражённых в отблесках меча,

Он стоит в Берлине, в Трептов-парке,
С девочкой спасённой у плеча.

Он стоит на фоне ясной сини,
Как предупреждение всем врагам,
Величавым символом России,
Что метнула свастику к ногам.

Он стоит, красивый и могучий,
И следит за тучами вдали ...
Сколько стран от свастики паучьей
Мы, как эту девочку, спасли!..

Пусть того солдата не тревожат
Те, кому всё в мире нипочём.
Меч опущен. Но подняться может,
Если снова к нам придут с мечом!

1965 г.

*

Бездонно в небе вольном и высоком.
Поля вокруг сонливы и тихи.
На солнцепёке земляничным соком
Природа пишет летние стихи.
Цветок к цветку, как слово к слову, лепит.
То песней прозвенит, а то замрёт.
И трепет колоска, и речек лепет,
И мёд гречишный – всё в строку берёт!

В ДЕТСТВЕ

Лишь спрыгнешь со ступенек,
Июльским рад лучам –
Жара, как в бане веник,
Захлещет по плечам!
В окне открытом шторка –
Как парус на ветру...
Ромашек бег с пригорка.
Сок ягоды в бору...
Вдаль манят перелески.
Желтеет островок.
Над речкой – нитка лески,
А в речке – поплавок...
Швырнул в траву фуражку,
Где пчёлка замерла,
Нырнул, плывёшь вразмахку,
И жизнь милым-мила.

*

Бор – зелёная обитель.
Словно сосны, день высок.
— Митю видел?
Митю видел? –
Звонкий птичий голосок.
Кто такой он, этот Митя?
Чей, кому товарищ, брат?
Но, как в детстве:
— Видел, видел! –

Я ответить птичке рад.
Митя – друг её, наверно.
А иначе для чего
Ей тревожиться безмерно,
Мол, не видел ли его.

СПАСИБО СЕНТЯБРЮ

... Сентябрь –
И хлебный шелест колоска,
И шум листвы зелёной
С желтизною,
И луч, и паутинка у виска,
И стол со снедью
Ягодной, грибною.
Бывает, смочет моросью зарю,
Но даже дождь –
Как ягоды в фуражку,
Как зёрен звон!
Спасибо сентябрю,
Что он такой –
С душою нараспашку!

1970 г.

*

Не удивлять, а удивляться
Я в этот светлый мир пришёл,
Где цвет черёмух и акаций
И в блеске дня жужжанье пчёл.
Смеётся ль синий май в Сибири,
Сентябрь ли хмурится, скорбя, –
Всё время что-то в этом мире
Я открываю для себя.
Моим открытиям нет предела.
Дивлюсь, живя среди людей,
И красоте лица и тела,
И высоте людских идей.
Всей жизни, бурной, многоликой,
По-детски радуясь, дивлюсь,
И этой радостью великой
Я с вами дружески делюсь,
Чтоб в серебре метельной пыли
И в звоне вешнего ручья
Вы так же крепко полюбили
Наш краткий праздник бытия.

1965 г.

НАША ТРИБУНА

Пушкой провинциальными певцами
Нас называет кто-то свысока
За то, что мы не тщимся с бубенцами
В столицу гнать Пегаса-рысака.

Звучал бы стих талантливо и юно,
Был для души, как рощи и поля!..
Есть и у нас высокая трибуна –
Кузнецкий край, сибирская земля.
Мы, в гениев тщеславно не играя,
Несём народу свой сердечный жар.
Внимают нам сыны родного края –
Шахтёр, строитель, химик, сталевар.
Что ж, и они, как мы, провинциалы,
Чей путь – не дальше сумрачной тайги?
А на рейхстаге – их инициалы!
А в космосе – их первые шаги!
Не пробуйте унижить нашу лиру.
Гордимся мы, – ответим в сотый раз, –
Что мы певцы земли, известной миру,
Провинции по имени Кузбасс.

1967 г.